

Grigorenko, S. A. Increasing labor productivity at the municipal unitary enterprise “Yarovskaya heat and electric complex” / S. A. Grigorenko, V. I. Kryshka. – Barnaul, 2019. – P. 3–29.

2. Балабанова, Г. Г. Управление производительностью труда промышленного предприятия : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Г. Г. Балабанова ; ФГБОУ ВО «Белгор гос. технол. ун-т им. В. Г. Шухова». – Белгород, 2022. – 25 с.

Balabanova, G. G. Labor productivity management of an industrial enterprise: author. dis. ... cand. econ. sciences: 08.00.05 / G. G. Balabanova ; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Belgor. State. technol. University named after V. G. Shukhov”. – Belgorod, 2022. – 25 p.

3. Морозова, Н. Н. Методические подходы к управлению производительностью труда в сфере услуг / Н. Н. Морозова // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : в 2 т. / ред. колл.: Д. В. Муха [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2023. – Т. 1. – С. 354–361.

Morozova, N. N. Methodological approaches to managing labor productivity in the service sector / N. N. Morozova // Strategy for the development of the economy of Belarus : challenges, implementation tools and prospects: collection. scientific Art. : in 2 vol. / ed. D. V. Mukha [etc.] ; National Academy of Sciences of Belarus ; Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus. – Minsk : Law and Economics, 2023. – Vol. 1. – P. 354–361.

4. Морозова, Н. Н. Методические подходы оценки эффективности труда / Н. Н. Морозова // Экономика. Бизнес. Финансы. – 2023. – № 4. – С. 27–32.

Morozova N. N. Methodological approaches to assessing labor efficiency / N. N. Morozova // Economics. Business. Finance. – 2023. – № 4. – P. 27–32.

5. Lister, J. What Is Productivity of Labor? [Electronic resource] / J. Lister. – Mode of access: <https://smallbusiness.chron.com/productivity-labor-17636.html>. – Date of access: 21.11.2023.

Статья поступила в редакцию 03.12.2023.

УДК 339.56:339.542:339.924

V. Ozhigina
BSEU (Minsk)

LIBERALIZATION OF E-COMMERCE IN FREE TRADE AGREEMENTS

The article systematizes the directions of liberalization of e-commerce in the FTAs in terms of non-discrimination, elimination of barriers, simplification of trade and cooperation in regulating and promotion of e-commerce. The types of economic integration policies in which liberalization occurs are identified. It is substantiated that in the field of liberalization of electronic commerce, FTAs go further and deeper than multilateral norms, eliminating not only barriers at the border (WTO-plus), but also behind the border (WTO-extra), providing not only access, but also entry to the digital products market. It is shown that FTAs introduce new rules to resolve the most controversial issues of e-commerce liberalization but apply only to a limited number of member countries, as a result they continue to discriminate trade.

Keywords: *international trade; e-commerce; digital trade; digital goods; digital services; foreign economic barrier; free trade agreement; international economic integration; digital economy; liberalization.*

В. В. Ожигина

кандидат экономических наук, доцент

БГЭУ (Минск)

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В СОГЛАШЕНИЯХ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

В статье систематизированы направления либерализации электронной коммерции в соглашениях о свободной торговле (далее – ССТ) в части недискриминации, устранения барьеров, упрощения торговли и сотрудничества в регулировании и стимулировании электронной коммерции. Определены виды экономической интеграционной политики, в рамках которых происходит либерализация. Обосновано, что в сфере либерализации электронной коммерции ССТ иногда заходят дальше и глубже многосторонних норм, устраняя не только барьеры на границе (ВТО-плюс), но и за границей (ВТО-экстра), обеспечивая не только доступ, но и вход на рынок цифровых продуктов. Показано, что ССТ вводят новые правила для разрешения наиболее спорных вопросов либерализации электронной коммерции, но касаются лишь ограниченного круга стран-участниц, в результате чего сохраняют дискриминацию в торговле.

Ключевые слова: *международная торговля; электронная коммерция; цифровая торговля; цифровой товар; цифровая услуга; внешнеэкономический барьер; соглашение о свободной торговле; международная экономическая интеграция; цифровая экономика; либерализация.*

Исследования по электронной коммерции касаются внутренней [1] и международной электронной коммерции [2], ее страновых особенностей [3], направлений регулирования [4]. Но лишь отдельные публикации изучают особенности интеграционной политики [5], в т. ч. в новой экономике [6], регулирование электронной коммерции в отдельных интеграционных группах [7]. В отечественной литературе, в отличие от иностранной [8–14], отсутствуют публикации, рассматривающие нормы соглашений о свободной торговле в этой сфере, что и предопределило новизну исследования, цель которого состоит в систематизации обязательств ССТ по либерализации электронной коммерции.

Актуальность определяется тем, что барьеры в цифровой торговле растут, несмотря на международные правила. Согласно Индексу ограничений для торговли цифровыми услугами, регулирование ужесточается. Но рост цифровых подключений на 1 % сокращает издержки внутренней торговли на 0,3 % и международной – на 0,1 % [14], увеличивает внутреннюю торговлю на 2,1 % и международную – на 1,5 %. При наличии у стран ССТ, регулирующих электронную коммерцию, рост цифровых подключений на 10 % дополнительно увеличивает экспорт на 2,3 % [13], т. е. сочетание цифровизации с либерализацией в ССТ дополнительно снижает трансакционные издержки и увеличивает торговлю.

Более 116 ССТ (33 %) регулируют электронную коммерцию, в т. ч. АНЗЦЕРТА, АСЕАН, ВПТТП, ЕАЭС, ЕС, МЕРКОСУР, РВЭП, САДК, ССАГПЗ,

ТА, ЭКОВАС, ЮСМКА⁴⁸ и др. 74 ССТ (21 %) содержат специальную главу в этой сфере (ССТ США – Иордания, Австралия – Сингапур). Союзы заключают соглашения о цифровой экономике / digital economy agreements (СЦО/DEAs): Соглашение о партнерстве в цифровой экономике Сингапур – Чили – Новая Зеландия (DEPA), на вступление в которое подали заявки Китай, Канада, Коста-Рика и Республика Корея; Соглашение АСЕАН по электронной коммерции, Рамочные программы по защите персональных данных и управлению цифровыми данными; Модельный закон САДК об электронных транзакциях и электронной коммерции; Дополнительный закон ЭКОВАС об электронных транзакциях; Соглашение об электронной коммерции МЕРКОСУР, Соглашение о цифровой экономике Сингапур – Австралия (SADEA); Соглашение о цифровом партнерстве Республика Корея – Сингапур (KSDPA), Соглашение о цифровой торговле Великобритания – Украина (DTA), Цифровая повестка ЕАЭС и др. [9; 14].

По данным ВТО и ОЭСР, регулирование электронной коммерции в ССТ включает более 25 аспектов [8–10]. Здесь рассмотрены только вопросы либерализации.

1. Недискриминация. 15 стран подписали ССТ со ссылкой на Конвенцию ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах и 22 страны – на Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (в т. ч. ВПТП, АСЕАН). 50 стран включили в ССТ принцип технологической нейтральности, 72 – рекомендацию о неприменении ненужных барьеров и минимизации регулятивной нагрузки [9].

Технологическая нейтральность предполагает недискриминацию цифровых продуктов в отношении: нецифровых продуктов (эквивалентность критериев проверки подлинности сделок, мер защиты потребителей, барьеров), страны происхождения, типа технологий (Япония – Монголия, Австралия – Чили) [8].

Ни одно ССТ не ссылается на многосторонние нормы по электронным подписям (Типовой закон ЮНСИТРАЛ, Рекомендацию СЕФАКТ ООН Удостоверение подлинности внешнеторговых документов, стандарты ИСО), но 87 стран включили в ССТ положения об электронной аутентификации и недискриминации электронных подписей (ЮСМКА, ЭКОВАС, САДК, ВПТП, АСЕАН) [9]. ССТ предусматривают: право на доказательство в суде соответствия электронной сделки требованиям к подлинности (ССТ Япония – Швейцария); право выбора технологий аутентификации, методов проверки подлинности (ССТ Республика Корея – Сингапур); взаимное признание цифровых сертификатов и подписей, соответствующих стандартам (ССТ Австралия – Чили); совместимость цифровых сертификатов и инфраструктуры аутентификации (ССТ Канада – Колумбия) [8].

Электронные контракты признаются наряду с бумажными в АСЕАН, САДК, ЭКОВАС. Электронные документы принимаются для выставления счетов в DEPA, ЭКОВАС. Прозрачность электронных платежей, создание безопасных,

⁴⁸ Торговое соглашение Австралии и Новой Зеландии о близких экономических отношениях (АНЗЦЕРТА), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Всеобъемлющее и прогрессивное транстихоокеанское партнерство (ВПТП), Европейский союз (ЕС), Общий рынок Южного конуса (МЕРКОСУР), Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП), Южно-африканское сообщество развития (САДК), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАПЗ), Тихоокеанский Альянс (ТА), Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС), Соглашение между Канадой, США и Мексикой (ЮСМКА).

эффективных и совместимых трансграничных систем электронных платежей наряду с национальными предполагается в ДЕРА, АСЕАН, ЕС, ЮСМКА [9].

В целях недискриминации ССТ более широко, чем члены ВТО, предоставляют не только режим наибольшего благоприятствования (далее – РНБ) (35 стран – участниц ССТ), но и национальный режим (33 страны ССТ) цифровым продуктам [9] (ССТ Сингапур – Индия, Сингапур – Республика Корея, Япония – Монголия) [8].

Недискриминация обеспечивает равные условия для офлайн и онлайн-торговли, потребителей и производителей, похожих цифровых продуктов. Но иногда сложно определить похожие цифровые продукты в силу неустоявшейся классификации. Отдельные виды цифровых товаров и услуг (ССТ Индия – Сингапур, Республика Корея – Сингапур), а также субсидии, защита ПИС и другие меры торговой политики (США – Республика Корея, США – Сингапур, Индия – Сингапур, США – Перу, ТА) часто исключаются из сферы действия принципа недискриминации [8; 12].

2. Устранение барьеров и регуляторная конвергенция.

Невзимание таможенных пошлин на электронные передачи, также касающиеся таможенных сборов и формальностей, принимается в ССТ под действием временного Моратория ВТО на введение таможенных пошлин на электронные передачи. Оно содержится в 95 % ССТ (100 ССТ с участием 102 стран, в т. ч. ССТ Австралия – Сингапур, Япония – Швейцария, Индия – Сингапур, США – Сингапур), включающих главы по цифровой торговле, 85 % этих ССТ (33 страны) обязались не взимать пошлины даже при прекращении действия Моратория ВТО [11].

Временные нормы Моратория по отмене пошлин действуют на многосторонней основе для всех членов ВТО в рамках РНБ. ССТ же имеют ограниченный круг участников и применяют взаимные преференции только для своих стран-участниц на постоянной основе, как исключение из РНБ.

Лишь некоторые ССТ, как и Мораторий, не уточняют понятие «цифровые передачи данных», не разделяя их на товары и услуги (Китай – Маврикий, ЕАЭС – Вьетнам), но большинство ССТ уточняют их классификацию. Они трактуют электронные передачи цифровых данных как: импорт и экспорт цифровых продуктов (товаров, как и в Моратории) посредством цифровой передачи (США – Сингапур, ССАГПЗ); импорт и экспорт услуг (ССАГПЗ – Сингапур, ЕС – Грузия, ЕС – Украина, ЕС – Молдова); и то, и другое (Мексика – Панама, США – Чили) [8; 11].

Ряд ССТ уточняет, что пошлины не применяются в отношении носителя информации в физической форме, перевозчика электронных передач/оператора связи, а не в отношении самой передачи данных с использованием цифровых устройств, запоминающего устройства контента (программное обеспечение (ПО), музыка, видео, игры). Для магнитных и оптических носителей при таможенной оценке важно определить долю контента, который может классифицироваться как ПО, в отличие от аудиовизуального или информационного. Нормы ВТО распространяются только на ПО на оптическом и магнитном носителе и не касаются полупроводниковых. Магнитные (ленты) и оптические носители (компакт-диски), содержащие ПО, облагаются пошлинами на основе стоимости компонента, а не содержания. Обязательства ССТ применяются независимо от типа носителя (магнитный, оптический, полупроводниковый) и контента (ПО, аудиовизуальный и др.). Международные классификации пока не помогают в определении доли контента, состоящего из ПО, в записанном элементе компакт-дисков или магнитных

лент, не позволяют различать для других цифровых устройств хранения данных, таких как USB-накопители или магнитные ленты, значение зарегистрированной и неучтенной медиаторговли. Преодолевая эти трудности, некоторые ССТ (ЕС, ЮСМКА) предлагают свои классификации [11].

В отличие от Моратория ВТО, заключение ССТ приводит к более глубокой либерализации электронной коммерции, доступу и выходу на рынки:

- в отличие от Моратория, ССТ либерализуют торговлю не только цифровыми товарами, но и услугами (аудиовизуальными, компьютерными, деловыми, финансовыми, телекоммуникационными, логистическими) [11; 13];

- кроме невзимания таможенных пошлин и сборов, ССТ предусматривают неприменение (избежание, минимизацию) и либерализацию (устранение, сближение, гармонизацию, унификацию) внутренних налогов на конечное потребление цифровых продуктов, прочих ненужных и обременительных барьеров, необоснованно запрещающих или ограничивающих, неоправданно препятствующих цифровым сделкам (ССТ Канада – Колумбия, Канада – Перу, Канада – Республика Корея, Перу – Сингапур, Иордания – Сингапур, Новая Зеландия – Гонконг, Та) [8; 11];

- ССТ шире охватывают сферы внутреннего регулирования цифровой торговли: конкурентная политика, техническое регулирование, защита потребителей и поставщиков, конфиденциальность информации и защита данных, кибербезопасность, раскрытие исходного кода данных и криптографических технологий, электронные госзакупки, размещение вычислительных мощностей, налогообложение, инвестирование и др. [8–10].

3. Упрощение процедур торговли.

Около 78 стран включили в ССТ положения о безбумажной торговле и упрощении таможенных процедур (ВПТТП, DEPA, SADEA, ССТ Япония – Сингапур, ЕС – Япония, АСЕАН), опираясь на Соглашение об упрощении процедур торговли (ВТО), Рекомендации об использовании стандарта ЭДИФАКТ ООН для международного электронного обмена данными, правила ООН для электронного обмена данными в управлении, торговле и на транспорте, Рамочные стандарты трансграничной электронной коммерции и Рамочные стандарты безопасности и содействия глобальной торговле (ВТАО), Всемирную почтовую конвенцию и ее Регламент, Рамочное соглашение по содействию трансграничной безбумажной торговле в АТР (ЭСКАТО), правила ЕЭК ООН, СЕФАКТ, ЮНСИТРАЛ. Некоторые ССТ (DEPA, SADEA) признают записи, документы и инструменты в электронной форме, основываясь на принципах недискриминации, функциональной эквивалентности и технологической нейтральности в соответствии с Типовым законом об электронных передаваемых записях ЮНСИТРАЛ.

Положения *de minimis* (ЮСМКА) устанавливают потолок стоимости товаров, ниже которого таможенные пошлины, сборы и налоги не взимаются, а процедуры оформления минимальны, что снижает затраты при пересечении границ товарами, заказанными в цифровом формате [9].

Иногда эти положения содержатся не только в статье о безбумажной торговле, где определяются формы электронных документов при экспорте и импорте товаров (ССТ Япония – Швейцария, АСЕАН – АНЗЦЕРТА, Республика Корея – Вьетнам) и услуг (Япония – Швейцария), но и в разделах о таможенных процедурах или упрощении процедур торговли (Австралия – Сингапур), госзакупках (Сингапур – Панама). Они касаются доступности для общественности

электронных документов (Сингапур – Австралия), эквивалентности электронных документов бумажным документам (Австралия – Китай), использования системы одного окна и других международных стандартов (Австралия – Чили, АСЕАН – АНЗЦЕРТА) [8].

4. Сотрудничество, включая:

- сближение, гармонизацию, унификацию и принятие общих норм по электронной коммерции, соответствующих международным стандартам, руководящим принципам и рекомендациям (Республика Корея – Вьетнам, ЕС – Молдова);
- совместную разработку нормативной базы (Китай – Гонконг, Китай – Макао), согласование (координацию) политики (Новая Зеландия – Тайвань);
- стимулирование (содействие, продвижение, поощрение) развития цифровой торговли, признание ее растущей роли;
- обеспечение транспарентности, предсказуемости и простоты (Мексика – Панама), объективности, разумности и беспристрастности (Япония – Швейцария), открытости и гибкости правовой базы (Новая Зеландия – Гонконг);
- учет международных норм и практики (Новая Зеландия – Тайвань), интересов бизнеса, потребителей, общественных организаций и госучреждений с принятием кодексов поведения, типовых (модельных) контрактов, законов, руководящих принципов, правоохранительных механизмов и прочих методов саморегулирования (Япония – Швейцария, Япония – Австралия, Перу – Республика Корея);
- распространение общей процедуры споров, принятой в ССТ, на трансграничные споры в области электронной коммерции [8].

Итак, либерализация электронной коммерции в ССТ происходит в направлении недискриминации электронных транзакций, подписей и контрактов (технологической нейтральности, электронной аутентификации, РНБ и национального режима); устранения барьеров (пошлин, налогов, сборов, прочих мер регулирования), упрощения торговых и таможенных процедур (безбумажной торговли; *de minimis*); сотрудничества в регулировании и стимулировании электронной коммерции в рамках мезоэкономической интеграционной политики (торговой, конкурентной, инфраструктурной). В либерализации ССТ иногда заходят дальше и глубже многосторонних норм, охотнее предоставляя не только РНБ, но и национальный режим, устраняя не только барьеры на границе (ВТО-плюс), но и за границей (ВТО-экстра), затрагивая внутренние правила конкуренции, защиты потребителей, кибербезопасности, размещения компьютерных мощностей, раскрытия исходного кода, обеспечивая не только доступ, но и вход на рынок цифровых продуктов. ССТ вводят новые правила, разрешая спорные вопросы либерализации электронной коммерции, но касаются лишь ограниченного круга стран-участниц, в результате чего сохраняют дискриминацию в торговле.

Источники

1. Оразов, Б. Развитие электронной коммерции и ее виды / Б. Оразов, Р. Нурыев // *Интернаука*. – 2022. – № 16-6 (239). – С. 46–47.
Orazov, B. E-commerce Development and Its Types / B. Orazov, R. Nuriev // *Internauka*. – 2022. – № 16-6 (239). – P. 46–47.
2. Zenkina, E. V. About current trends in global e-commerce / E. V. Zenkina // *Beneficium*. – 2022. – № 1 (42). – С. 68–73.

3. Drokina, Ch. V. Problems of China's cross-border e-commerce development and ways to solve them / Ch. V. Drokina, Y. Bu // *Economy and Business: Theory and Practice*. – 2022. – № 5-1 (87). – С. 242–244.

4. Смирнов, Е. Н. К вопросу о влиянии цифровых трансформаций на регулирование международной электронной коммерции / Е. Н. Смирнов, С. В. Поспелов, Б. Д. Нуриев // *Дискуссия*. – 2021. – № 4 (107). – С. 21–28.

Smirnov, E. N. On the Impact of Digital Transformations on the Regulation of International E-Commerce / E. N. Smirnov, S. V. Pospelov, B. D. Nuriyev // *Discussion*. – 2021. – № 4 (107). – P. 21–28.

5. Ожигина, В. В. Теоретические основы и структура экономической интеграционной политики / В. В. Ожигина // *Белорус. экон. журн.* – 2022. – № 3 (100). – С. 37–54.

Ozhigina, V. V. Theoretical Foundations and Structure of Economic Integration Policy / V. V. Ozhigina // *Belarusian Economic J.* – 2022. – № 3 (100). – P. 37–54.

6. Новая парадигма развития международных экономических отношений: вызовы и перспективы для России / Т. М. Исаченко [и др.]; под ред. Т. М. Исаченко, Л. С. Ревенко, Т. В. Чубаровой. – М. : МГИМО, 2022. – 403 с.

A New Paradigm for the Development of International Economic Relations: Challenges and Prospects for Russia / T. M. Isachenko [et al.]; ed. by T. M. Isachenko, L. S. Revenko, T. V. Chubarova. – Moscow : MGIMO, 2022. – 403 p.

7. Полянская, А. Экономический эффект регулирования электронной коммерции в странах АСЕАН / А. Полянская // *Международная экономика*. – 2019. – № 11. – С. 37–49.

Polyanskaya, A. Economic Effect of E-Commerce Regulation in ASEAN Countries / A. Polyanskaya // *International Economics*. – 2019. – № 11. – P. 37–49.

8. Monteiro, J.-A. Provisions on Electronic Commerce in Regional Trade Agreements [Electronic resource] / J.-A. Monteiro, R. The WTO Working Paper ERSD-2017-11. – Geneva : WTO Economic Research and Statistics Division, 2017. – 75 p. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201711_e.pdf. – Date of access: 10.11.2023.

9. Nemoto, T. Digital Trade Inventory: Rules, Standards and Principles [Electronic resource] / N. Nemoto, J. Lopez Gonzalez // *OECD Trade Policy Papers*. – Paris : OECD Publishing, 2021. – № 251. – 155 p. – Mode of access: <https://doi.org/10.1787/9a9821e0-en/>. – Date of access: 10.11.2023.

10. Burri, M. Digital Trade Provisions in Preferential Trade Agreements : Introducing a New Dataset / M. Burri, R. Polanco // *J. of International Economic Law*. – 2020. – Vol. 23, iss. 1. – P. 187–220.

11. Andrenelli, A. Understanding the potential scope, definition and impact of the WTO e-commerce Moratorium [Electronic resource] / A. Andrenelli, J. Lopez Gonzalez // *OECD Trade Policy Papers*. – Paris : OECD Publishing, 2023. – № 275. – 69 p. – Mode of access: <https://doi.org/10.1787/59ceace9-en/>. – Date of access: 10.11.2023.

12. Casalini, F. Approaches to market openness in the digital age [Electronic resource] / F. Casalini, J. López González, E. Moisé // *OECD Trade Policy Papers*. – Paris : OECD Publishing, 2019. – № 219. – 18 p. – Mode of access: <https://doi.org/10.1787/818a7498-en/>. – Date of access: 10.11.2023.

13. López González, J. Approaches to market openness in the digital age [Electronic resource] / J. López González, J. Ferencz // *OECD Trade Policy Papers*. – Paris: OECD

Publishing, 2018. – № 217. – 51 p. – Mode of access: <https://doi.org/10.1787/1bd89c9a-en/>. – Date of access: 10.11.2023.

14. López González, J. Of bytes and trade: Quantifying the impact of digitalization on trade [Electronic resource] / J. López González, S. Sorescu, P. Kaynak // OECD Trade Policy Papers. – Paris : OECD Publishing, 2023. – № 273. – 54 p. – Mode of access: <https://doi.org/10.1787/11889f2a-en>. – Date of access: 10.11.2023.

Статья поступила в редакцию 03.12.2023.

УДК 339.727.2

A. Petrushkevich
BSEU (Minsk)

WORLD PRACTICE OF FDI-REGULATION FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE COUNTRY AND ECONOMIC SECURITY ENHANCEMENT

The article presents an analysis of the global practice of regulating and stimulating foreign direct investment (FDI) for sustainable development and enhancing economic security based on observations carried out in the period 2009–2023. The trends in the use of instruments for regulating FDI in sustainable development are revealed, differences are shown by groups of countries and the peculiarities of the application of restrictions, incentives and promotional measures. The features of the introduced restrictive methods of regulating FDI to increase the economic security of countries are shown.

Keywords: Foreign Direct Investment; Sustainable Development; Economic security; Investment Policy.

Е. Н. Петрушкевич
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

МИРОВАЯ ПРАКТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ И ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ⁴⁹

В статье представлен анализ мировой практики регулирования и стимулирования прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для устойчивого развития и повышения экономической безопасности на основе наблюдений, которые проводились в период 2009–2023 гг. Раскрыты тенденции в использовании инструментов регулирования ПИИ в устойчивое развитие, показаны различия по группам стран и особенностям применения ограничений,

⁴⁹ Статья выполнена в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма «Экономика на 2021–2025 годы», задание 2.04 «Методологические основы и инструментарий совершенствования инновационно-инвестиционных механизмов обеспечения социально-экономической безопасности государства в условиях глобальной реконфигурации внешнеэкономических связей (2021–2025 гг.)».